

Т. М. Николаева

О ЧЕМ
РАССКАЗЫВАЮТ НАМ
ТЕКСТЫ?

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 811.161.1
ББК 81.031
Н 63

Работа выполнена при поддержке *Фонда фундаментальных лингвистических исследований* (<http://www.ffli.ru>)

Николаева Т. М.

Н 63 О чем рассказывают нам тексты? — М.: Языки славянских культур, 2012. — 328 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0552-9

В книге члена-корреспондента РАН Т. М. Николаевой предлагается новый подход к анализу текста, основанный на «грамматике текста» в рамках Московской семиотической школы. Автор выступает против «традиционного литературоведения», базирующегося на том, что Т. М. Николаева называет «литературоведческим конвоем». В рамках нового подхода в книге демонстрируются неочевидные глубинные смыслы текстов классических русских авторов — Пушкина, Лермонтова и более поздних поэтов — Ахматовой, Гумилева и др. Выработанный Т. М. Николаевой метод поиска «ключа нарратива» позволяет увидеть новое и неожиданное не только у русских авторов, но и проследить ранее нераспознанную французскую струю у русских классиков. Книга состоит из трех разделов: русско-французские связи, новое в русской классике и более пестрый раздел — анализ современных текстов.

Книга рассчитана на филологов — как литературоведов, так и лингвистов.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована
картина И. Н. Крамского «Неизвестная» (1883 г.)
и фотоаграмма светланы ивановой*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0552-9

© Т. М. Николаева, 2012
© Языки славянских культур, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

I

О возможном влиянии одного текста О. Бальзака на судьбы русских поэтов	13
Числовые модели порока и добродетели (Семантика «оцифрованного времени» в «Манон Леско»)...	32
Поразительные совпадения двух текстов: загадка или нет?.....	37
Князь Звездич и баронесса Штраль — кто они такие?.....	52
Шевардинский редут: два описания — два совпадения.....	75
«Дама в розовом».....	84
«Антибуржуазность» романа Пруста?.....	95

II

Пушкин, Лермонтов и купец Калашников	103
Неопределенность реальной ситуации и лингвистические средства ее оформления в пушкинских текстах	111
Пушкин и Боян	124
Переходы, превращения и возвращения Татьяны и античные реминисценции.....	147
Реконструкция единого «сна» у одиннадцати пушкинских героев	155
Функциональная нагрузка антитез и повторов в «Слове о полку Игореве»	176
Три пространства Игорева похода (художественное, летописное, «реальное»)	197

III

Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского Евангелия)	219
«Из пламя и света рожденное слово»	238
Семантика убеждения: лингвотекстологический анализ речи Марка Антония над горбом Цезаря в драме Шекспира	255
Смерть властелина на охоте («Охота» Н. С. Гумилева и «Сероглазый король» А. А. Ахматовой)	264
«На улице Мынтулясы» Мирчи Элиаде: попытка расшифровки.	276
Ф----въ / Ф----въ	287
А мы швейцару: «Отворите двери!»	305
Замечательное прозрение Р. Якобсона, или Почему Маяковский избегал прилагательных?	313

О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ ОДНОГО ТЕКСТА О. БАЛЬЗАКА НА СУДЬБЫ РУССКИХ ПОЭТОВ*

1. Осенью 1835 года в петербургском обозрении «*Revue étrangère*» была опубликована повесть О. Бальзака «*La fleur des poids*» (буквально «цветок гороха» или «горошковый цвет», что означает «щеголь». См.: *Delesalle G. Dictionnaire Argot-Français et Français-Argot*. Paris, 1899. P. 122). Впоследствии эта повесть была издана в 1842 году в Париже под названием «Брачный контракт».

Журнал «*Revue étrangère*» был очень известен и очень популярен.

Его издателями были «придворные книготорговцы» Ф. Беллизар и С. Дюфур. Редакция помещалась в доме голландской церкви, у Полицейского моста. Поблизости помещалась и «придворная книжная лавка». Вот как пишет об этом магазине «Северная пчела» (14 апреля 1834 г. № 35, стр. 338):

Состоя в непосредственных сношениях со всеми книгопродавцами Европы, они получают все *новости* в самом скорейшем времени... Недавно открыли они собственную свою книжную лавку в Париже и приобрели в собственность несколько отличных новейших творений... Для лучшего сообщения всех новостей литературы и наук один из двух хозяев непременно находится в Париже (цит. по: [Реизов 1960: 296—297]).

Известно, что в библиотеке Пушкина имелся ряд книг, купленных у Беллизара и несколько томов «*Revue étrangère*». Сохранились довольно крупные счета на имя А. С. Пушкина от Беллизара. Так, в последний год своей жизни Пушкин 25 мая 1836 года покупает у Беллизара так называемую «Мистическую книгу» О. Бальзака, объединяющую в двух томах следующие произведения: «История Л. Ламбера», «Изгнанники», «Серафита» [Абрамович 1991: 217]. 2 июня 1836 года

* Большую помощь в разработке и фундировании высказанной мною гипотезы мне оказал А. Д. Михайлов, которому я от души благодарна.

Пушкин покупает в магазине Беллизара недавно вышедший роман Бальзака «Старик» («Le Centenaire») [Абрамович 1991: 226].

2. Повесть О. Бальзака стала известна и популярна. Вот отрывок из письма сестры Пушкина, О. С. Павлищевой, своему мужу от 18 февраля 1836 года:

...Окончила «Вечера Людовика XVIII» — интересные, но больше всего мне понравился **«Горошковый цвет» Бальзака** (выделено нами здесь и далее. — *Т. Н.*) (который, кстати, я полагаю, не придет) и «Лилия в долине». Поверьте, это в сто тысяч раз лучше, чем ваше «Ни всегда ни никогда», но у нас с вами такие разные вкусы! [Письма Павлищевой 1994: 153].

Но все только что сказанное не передает и малой доли того, каким влиянием, каким авторитетом пользовался Бальзак и его герои: им подражали, с них брали пример. Русские поэты брали в качестве эпиграфа к своим стихам строки из Бальзака (Е. П. Растопчина, Н. Ф. Павлов и др.). А. И. Тургенев, готовя свое большое письмо для «Современника», в марте 1836 года встречается с Бальзаком, а также Шатобрианом и Токвилем [Абрамович 1991: 109]. Впоследствии этот текст А. И. Тургенева войдет в его «Хронику русского». С. П. Шевырев в «Парижских эскизах» (1839 г.) подробнейшим образом описывает свой визит к Бальзаку [Шевырев 1999], и это было всем интересно.

Впервые упоминания о нем появляются в русских журналах с 1830 года. В 1830 году О. В. Сомов опубликовал рецензию на «Сборник повестей О. де Бальзака» в «Литературной газете». (Ряд сведений, помещенных далее, приводится мною по изданию [Бальзак в русской литературе 1999].) Печатаются все активнее переводы из Бальзака (1831, 1832 годы и далее). Достаточно сказать о переводе «Евгении Гранде», опубликованном Ф. М. Достоевским в 1844 году. Его печатают журналы «Телескоп», «Сын отечества», «Библиотека для чтения». С 1832 года его публикуют отдельными изданиями и начинают переводить и статьи о нем. Сам Бальзак знал об этом и иногда высказывал желание переехать в Россию и оттуда лидерствовать в интеллектуальной Европе, но приехал только в 1843 году (более подробно о популярности О. Бальзака в России в этот период см.: [Реизов 1960; Balzac dans... 1993], а также [Михайлов 1997; Дмитриева 1997; Михайлов 1999]).

Много внимания уделяет ему В. Г. Белинский, анализируя и его тексты, и характер самого Бальзака («Литературные мечтания»

1834 г., «О русской повести и повестях Гоголя» 1835 г., «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» 1836 г. и далее). С энтузиазмом отзывается о нем Н. В. Станкевич (Письма Я. М. Неверову: июль 1833 г., два письма в январе 1834 г., письмо в январе 1835 г., письмо М. А. Бакунину в январе 1835 г.).

А. С. Пушкин еще в 1830 году пишет о «Записках Самсона, парижского палача», авторами этих «Записок» в действительности были О. Бальзак и Л.-Ф. Л'Эретье. В отрывке «Мы проводили вечер на даче» (1835) книга Бальзака «Физиология брака» приводится в качестве примера книги неблагопристойной и развращающей: «Вчера мы смотрели Anthony, а вон там у меня на камине валяется *La physiologie du mariage*. Неблагопристойно! Нашли, чем напугать». А в апреле 1831 года В. С. Голицын пишет Пушкину: «...посылаю Вам развратительную книгу (*“Physiologie du mariage”*), автора коей я хотел бы видеть повешенным за <...>». Правда, Пушкин находил Бальзака несколько вычурным: см. его письмо к Е. М. Хитрово в конце 1832 года: «*Comment n'avez vous pas honte d'avoir parlé si légèrement de Karr. Son roman a du génie et vaut bien le marivaudage de votre Balzac*».

Тема «Бальзак и русская литература» практически безмерна, но, не выходя за рамки интересующего нас периода, остановимся на интересе к Бальзаку такого, казалось бы, далекого от петербургской элиты человека, каким был сосланный тогда декабрист Вильгельм Кюхельбекер [Кюхельбекер 1979]. Правда, о восприятии Кюхельбекером Бальзака существует специальная статья Ю. Н. Тынянова «Декабрист и Бальзак» [Тынянов 1968: 329—346]. Итак, 1 июля 1834 года В. Кюхельбекер пишет: «Прочел я в “Сыне отечества” повесть Бальзака “Рекрут”; она занимательна и жива, но я ожидал чего-то особенного — и ошибся» [Там же: 320]. 12 июля: «В “Сыне отечества” прочел я превосходный отрывок из Бальзакова романа “*La peau de chagrin*”. Этот отрывок несколько напоминает превосходную пляску стульев, вешалок и столов у Вашингтона Ирвинга; быть может, арабеск американца подал даже Бальзаку первую мысль — но разница все же непомерная: у Ирвинга хохочешь, у Бальзака содрогаешься» [Там же: 322]. 17 июля того же года: «Бальзак человек с огромным дарованием; отрывок из его повести “Саразин” в “Сыне отечества” под заглавием “Два портрета” — удивителен» [Там же: 323]. 25 июля: «Пишу о Бальзаке, потому что после его прелестной повести “Т-жа Фирмиани” (о “Мадам Фирмиани” в дневнике Кюхельбекера есть еще несколько записей. — *Т. Н.*) не могу заняться чем-нибудь другим. Это в своем роде *chef d'oeuvre*» [Там же: 325]. 26 июля того же года:

«Мое уважение к Бальзаку очень велико; он чуть ли не выше и Гюго, и де Виньи» [Тынянов 1968: 326]. Но вот запись от 31 июля 1834 года: «“Ростовщик Корнелиус” Бальзака, по моему мнению, из слабейших его произведений» [Там же]. 2 августа 1834 года: «Не забыть: “Красный трактир”, сочинение Бальзака» [Там же: 327]. В 1835 году В. Кюхельбекер пишет несколько разочарованно о начале повести Бальзака «Отец Горио» [Кюхельбекер 1979: 357], потом же — более увлеченно и подробно. Но уже в 1841 году мы читаем под 28 июня: «Насчет некоторых писателей я свое мнение переменяю: к этим в особенности принадлежит Бальзак. Теперь я нахожу его довольно однообразным, хотя и теперь считаю его человеком очень даровитым» [Там же: 404].

Несомненно, что с начала 40-х годов популярность Бальзака в аристократических кругах России несколько падает. Таким образом, вершина его славы — это десятилетие от 1830 до 1840 года. Для целей настоящего исследования период от 1840 года не является интересным.

Но в данном случае мы хотим обратить внимание читателя не на интерес русской литературы к Бальзаку как писателю и к позитивному или негативному отношению к его стилю и его героям. Также не играют роли и увлекательные стороны *литературного* влияния Бальзака. Существенно другое: Бальзак был то, что называется у «всех на устах», ссылаться на него было модно, а его герои как бы входили в русскую жизнь, а не только в литературу. «Не только сюжеты, но и литературные герои Бальзака становятся устойчивыми мифологемами русской жизни 1830-х годов. В этом смысле особое значение приобретает роман “История тринадцати” (...). В 30-е годы Бальзак превращается в России почти что в культовую фигуру, со всеми положительными и отрицательными последствиями этого явления» [Дмитриева 1997: 102].

Вот А. С. Пушкин пишет жене 4 мая 1836 года:

...Чаадаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которых Нащокин называет **les treize**) еще не успел видеть... (т. 10; 449)

В «Дневнике» Пушкина находим запись от 26 января 1834 года: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два Шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет» [Пушкин 1995: 33]. Здесь имеется в виду роман О. Бальзака «Шуаны» 1829 г. Дантес назван «шуаном», то есть легитимистом, так как он был участником заговора герцогини Беррийской в Вандее, целью которого было вос-

становление на престоле Бурбонов. В 1834 году П. А. Вяземский пишет в «Записной книжке» об увлечении дам Бальзаком [Вяземский 1963: 223].

Графиня Софья Бобринская сообщает мужу об очередной светской сенсации: Ж. Геккерн-Дантес женится на Екатерине Гончаровой:

Если ты будешь меня расспрашивать, я тебе отвечу, что ничем другим я вот уже целую неделю не занимаюсь, и чем больше мне рассказывают об этой непостижимой истории, тем меньше я что-либо в ней понимаю. Это какая-то тайна любви, героического самопожертвования, **это Жюль Жанен, это Бальзак, это Виктор Гюго**. Это литература наших дней. Это возвышенно и смехотворно.

(Цит. по: [Абрамович 1991: 418])

М. Б. Лобанов-Ростовский описывает кузена Лермонтова, красавца Монго Столыпина:

Здесь я познакомился с красивым Монго, получившим это прозвище от великолепной белой ньюфаундлендской собаки, носившей эту кличку... Он тогда еще не предался культу собственной особы, не принимал по утрам и вечерам ванны из различных духов, не имел особого наряда для каждого случая и каждого часа дня, не **превратил еще себя в бальзаковского героя прилежным изучением творений этого писателя и всех романов того времени, которые так верно рисуют женщин и большой свет...** В сущности, это был красивый манекен мужчины с безжизненным лицом и глупым выражением глаз и уст.

(Цит. по: [Герштейн 1986: 164])

Итак, Пушкин в письме жене упоминает les treize Бальзака. За две недели до дуэли с Дантесом, 16 января 1837 года, Александр Карамзин пишет брату Андрею: «Неделю назад сыграли мы свадьбу барона Эккерн с Гончаровой. Я был шафером Гончаровой. На другой день я у них завтракал. Leur intérieur élégant мне очень понравился. Тому два дня был у старика Строганова (1e père assis) свадебный обед с отличными винами. Таким образом кончился сей роман à la Balzac к большой досаде с.-петербургских сплетников и сплетниц» [Карамзины 1960: 154]. В то же самое время (16 января 1837) сам Андрей Карамзин писал из Парижа: «История Дантеса, Пушкина и К^о — не только история в духе Бальзака, но еще и история вроде “Тринадцати” и она заставляет **трудиться головы маленького русского круж-**

ка в Париже столько же, сколько и ваши (выделено нами. — Т. Н.)» [Карамзины 1960: 384—385].

Но вернемся к более конкретному и более интересующему нас сюжету.

Великолепно знал Бальзака и Лермонтов. Как сообщает об этом И. Андроников:

В том, что Лермонтов читал сочинения Бальзака, нет никаких сомнений. «Он сидел, как сидит бальзакова 30-летняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала», — писал он о Печорине в «Герое нашего времени».

Тому, что Лермонтов читал Бальзака и был хорошо знаком не только с «Тридцатилетней женщиной», но и с другими его сочинениями, доказательств много. В литературе о Лермонтове есть указания на связь лермонтовской прозы со «школой Бальзака». Нас в данном случае интересует фраза из письма 1835 года. «Теперь я не пишу романов, — сообщает Лермонтов своей приятельнице А. М. Верещагиной, — я их делаю».

Это зеркальный переверот фразы Бальзака, парафраз из повести «Герцогиня де Ланже», где о генерале Монриво говорится, что он «всегда делал романы, вместо того, чтобы писать их».

«Герцогиня де Ланже» — второе звено из замечательного произведения Бальзака «История тринадцати».

(Цит по: [Андроников 1979: 154])

3. Итак, Бальзак был популярен *en général*, и повесть «Горошковый цвет» привлекла к себе также внимание и интерес.

О чем же она?

Не первой молодости человек света, дворянин Поль де Манервиль, знакомится со вдовой с креольской примесью, госпожой Эванхелиста, и ее дочерью. Единственное приданое этой необычайно красивой девушки — ее бесспорная и несомненная красота, и зовут ее — Натали. Натали намного моложе своего жениха (по данным исследователей Бальзака, разница у них около десяти лет и родилась она в 1802 году). Семья красавицы Натали — не слишком родовитая, но у нее есть достаточно знатная тетка при дворе — баронесса де Малинкур, которая ей всячески помогает. Мать красавицы затягивает желанный для героя брак, обговаривая снова и снова обременительные для него условия брачного контракта. (Недаром Бальзак впоследствии, выпуская в свет эту повесть в Париже в 1842 году, называет ее «Брачный контракт».) Герой соглашается практически на все. Он женится на Натали, она начинает блистать в парижском

свете, обращая на себя всеобщее внимание своей красотой. Вот как описана Натали в разделе, посвященном Бальзаку, в «Энциклопедии литературных героев» (автор заметки — В. Мильчина): «Получив от матери наставления о том, как должна вести себя замужняя женщина — отдавать себя светской жизни, уделять мужу как можно меньше времени и заставлять его во всем уступать жене, — М. воплощает эти предписания в жизнь и делает своего мужа несчастным» [Энциклопедия лит. героев 1997: 71].

Финансовые трудности и долги, так как красота Натали требуют новых и дорогих туалетов, толкают героя на отправление в Вест-Индию, но на пути, уже взойдя на корабль, он получает письмо от своего старинного знакомого графа Анри де Марсе. Тот пишет, что за красавицей Натали открыто ухаживает светский лев, фат и красавец Феликс де Ванденес, и это становится объектом сплетен и перешептываний.

Де Марсе переходит к конкретным советам: Поль де Манервиль должен вызвать на дуэль Ванденеса и убить его. Иного выхода нет: «En France, le mari insulté qui tue son rival devient un homme respectable et respecté... Tue Vandenesse et ta femme tremble, et ta belle-mère tremble, et la public tremble, et tu te réhabilites, et tu publies ta passion insensée pour ta femme, et l'on te croit, et tu deviens un héros» [Balzac 1973: 268—269].

Итак, де Марсе просто гипнотически настаивает на дуэли, как бы провоцирует Манервиля. И интересно вот что. Подробные справочные издания, в которых прослеживается для удобства читателей «Человеческой комедии» судьба всех многочисленных героев Бальзака, ничего не сообщают о решении Манервиля. Мы не узнаем, была ли дуэль или нет. Так, наиболее полное справочное издание к «Человеческой комедии» сообщает только о Поле де Манервиле, что он «reçoit, trop tard, alors que son bateau a quitté Bordeaux, la réponse de Marsay, qui lui ouvre enfin les yeux sur la machination montée par sa belle-mère et Natalie» [Balzac 1981: 1417].

Сюжет «Брачного контракта» настолько суггестивен, что раскрывать и эксплицировать его аллюзии мы не предполагаем. Они очевидны.

4. Напоминаем, что Пушкин пишет жене о том, что Нащокин называет «Наблюдателей» — les treize. Н. И. Надеждин, глядя на Париж с кладбища Пер-Лашез, тут же вспоминает «место из “Тринадцати” Бальзака, где он заставляет г. Жюля, похоронив свою несчастную жену, оглянуться на Париж, волнующийся под его ногами» (1836).

Н. В. Станкевич: «Не читал я бальзаковых “Treize” — теперь прочту» (9 января 1834), (он же, январь 1835): «Наконец, прочел я два эпизода из “Histoire de treize”. Особенно нравится мне “Ne touchez-pas la hâche”» (прежнее название «Герцогини де Ланже». — Т. Н.). О «тринадцати» пишет, как упоминалось выше, и Андрей Карамзин, прямо их сопоставляя с дуэльной историей и предысторией Пушкина.

Одним из этих бальзаковских героев, одним из «тринадцати», является все тот же де Марсе. Кто же такие эти «тринадцать»?

Характер их пытается понять, например, В. Г. Белинский: «Вот мы видим теперь на сцене и другого из “Тринадцати”: Феррагус и Монриво, видимо, одного покроя: люди с душой глубокою, как морское дно, с силой воли непреодолимую, как воля судьбы» («Литературные мечтания», 1834 г.). См. о «тринадцати» в статье Е. Е. Дмитриевой: герои этой повести становятся «мифологемами» русской жизни 1830-х годов.

Но лучше всего процитировать самого Бальзака, создавшего их в 1831 г.:

Все тринадцать были люди того же закала, что и Трелони, друг Байрона и, как говорят, оригинал его Корсара; все они были фаталисты, смелые и поэтические, но наскучившие обыденной жизнью, жаждущие азиатских наслаждений, влекомые страстями, долго дремавшими в их душе... Как-то один из них решил, что все общество должно подчиниться власти тех избранников, у которых природный ум, образование и богатство сочетались с огненным фанатизмом, способным превратить в единый сплав все эти разнородные свойства. И вот тогда перед их тайной властью, безмерной в своей ответственности и силе, общественный строй оказался бы беззащитным; она опрокидывала бы все препятствия, громила бы на своем пути любое сопротивление; каждый из таких избранников силен был бы дьявольской силой всего содружества... это жизнь флибустьеров в желтых перчатках, флибустьеров, разъезжающих в каретах; это тесное сообщество выдающихся людей, холодных и насмешливых, расточающих улыбки лживому (...) свету, уверенность, что все подчинится их прихоти, что месть их будет ловко осуществлена... затем это постоянное блаженство — в присутствии посторонних людей владеть тайной своей ненависти; блаженство замкнуться в себе, сознавать себя богаче всех самых замечательных людей, не возвысившихся до твоей идеи... У них не было вожака, никто среди них не мог захватить власть в свои руки; но тому, кто сильнее других был охвачен какой-либо страстью, кто больше других нуждался в содействии, служили все остальные. То были тринадцать неведомых миру, однако

подлинных властелинов, более могущественных, чем короли, — ибо они сами были и судьями, и палачами, они сотворили себе крылья и проникали во все слои общества сверху донизу, пренебрегая возможностью занять в нем какое-либо положение, и без того им все было подвластно.

[Бальзак 1953, 7: 10—12]

Как уже говорилось, де Марсе был одним из тринадцати. Несомненно, умело манипулируя чувствами де Манервиля, он провоцировал дуэль — для своей же забавы, для развлечения сообщества или, быть может, втайне завидуя красавцу Ванденесу.

Как часто говорил и писал Ю. М. Лотман, литература оказывает огромное влияние на жизнь и ее события — больше, чем можно подумать.

Вероятно, здесь действует логика возможных аналогий.

5. Быть может, и в петербургском обществе, живущем, как мы цитировали выше, моделью *à la Balzac*, мог найтись некто (некие), пожелавший в сходной ситуации также спровоцировать — только уже не скромного и непритязательного Поля де Манервиля, а человека знаменитого по всей России, и потому тайная власть над его действиями была бы особенно привлекательной.

Усилиями отечественных исследователей середины нынешнего века (Б. М. Эйхенбаум, И. А. Андроников и др., особенно, конечно, Э. Герштейн) было описано некое сообщество, несомненно неслучайно называвшее себя кружком «шестнадцати» (*les seize*). В основном разыскания об этом сообществе были связаны с именем М. Ю. Лермонтова.

Во всех описаниях судьбы этих людей, как правило потомков очень известных фамилий (по данным Э. Г. Герштейн, по крайней мере, семеро из шестнадцати молодых людей принадлежали к семейству ближайших фаворитов двора [Герштейн 1986: 322]), присутствуют некоторые не разрешимые для исследователей противоречия. На них мы остановимся ниже и постараемся предложить единую, как будто бы все объединяющую гипотезу.

В конце 30-х годов царь Николай I практически их всех высылает вон из столицы (как правило, на Кавказ), но — в то же время дает им прекрасные аттестации за службу. Они принадлежат к знатнейшим семьям, но — в то же время заступиться за них не решается даже царица, императрица Александра Федоровна. А заступаться как бы и не за что. М. Ю. Лермонтов пишет «Смерть поэта» и не вызыва-

ет высочайшего негодования, но — затем к нему приходит его кузен Н. Столыпин, и поэт пишет довольно странные — если читать их очень внимательно — шестнадцать строк, начинающиеся со слов: «А вы, надменные потомки» и именно этим предрешает свою судьбу: царь проникается к нему ненавистью (как будто бы ему принадлежит суждение: «Собаке — собачья смерть!» по поводу смерти Лермонтова).

6. Итак, первое — кто же они были конкретно?

Усилиями Э. Г. Герштейн многие имена восстановлены. Однако несколько странно, что, описывая и реконструируя общество «шестнадцати», она никак не связывает их с бальзаковским началом. Нет этого и в ее «Мемуарах», где исследовательница подробно описывает саму работу над поиском «шестнадцати» («Между тем проблема “шестнадцати” была исключительно трудна. В литературе были названы только десять участников этого кружка, и то по одним фамилиям, без инициалов и названий...» [Герштейн 1998: 227 и далее]). Именно на это удивляющее отсутствие переключки обратил внимание И. Андроников, прямо связавший оба сообщества: «Исследовательница тщательнейшим образом собирала материалы об этом кружке, затратила годы на выяснение сущности и характера ежевечерних собраний (...) Но само название кружка с произведением французского романиста Герштейн не сблизила. А между тем дело, кажется, не только в названии» [Андроников 1979: 155].

Итак, в сообщество входили молодые аристократы — граф Ксаверий Браницкий, Николай Жерве, Алексей Столыпин (Монго), барон Дмитрий Фредерикс, князя Александр и Сергей Долгорукие, Петр Валуев, князь Иван Гагарин, граф Андрей Шувалов, Паскевич, Борис Голицын и — Михаил Лермонтов. Э. Г. Герштейн предположила, что ими могли быть князя Григорий Гагарин, Александр Васильчиков, Михаил Лобанов-Ростовский, Петр Долгоруков и граф Павел Шувалов. Возможно, и князь Сергей Трубецкой. Правда, так получается уже 18!

Сведения о том, что существовал такой кружок, появились только в конце прошлого века. О нем упомянул Н. С. Лесков, назвав его «кружком Лермонтова». В вышедшей в конце 30-х годов повести Владимира Соллогуба «Большой свет» Лермонтов под именем офицера Леонина описан в роли прихвостня знатного своего родственника Сафьева. Как пишет И. Андроников, Соллогуб признался, что эта повесть была инспирирована членами царского дома. А после этого была спровоцирована дуэль Лермонтова с де Барантом. В ап-

реле 1840 года Лермонтов был выслан в Тенгинский пехотный полк на Кавказ (сведения из: [Андроников 1979: 1959—1960]).

Более конкретные данные восходят к Ксаверию Браницкому, уже эмигранту, писавшему другому участнику кружка — также достаточно знаменитой фигуре, князю Ивану Гагарину, который тоже эмигрировал и вступил в орден иезуитов.

Он пишет, что в 1839 году существовало общество молодых людей, которое называли по числу его членов «Шестнадцать». Общество, состоящее из кавказских офицеров или выпускников университета, каждую ночь собиралось то у одного, то у другого, болтая обо всем с абсолютной свободой. В другом письме к тому же И. Гагарину Браницкий пишет 7 января (новый стиль) 1879 г.: «Может быть, вы уже знаете: один из бывших “шестнадцати” Борис Голицын умер» (цит. по: [Герштейн 1986: 131]). И тому же И. Гагарину писал в 1840 году будущий славянофил Юрий Самарин: «...я видел, как через Москву проследовала вся группа шестнадцати, направляющаяся на юг». Есть еще и третье свидетельство — Петра Валуева, в будущем весьма успешного политического деятеля, которому пророчили карьере А. М. Горчакова. П. Валуев пишет: «В 1838—1840 — связь с Браницким, Столыпиным, Долгоруковым, Паскевичем, Лермонтовым и пр. (*les seize*), к которым и я принадлежал» (цит. по: [Там же: 133]).

Из слов К. Браницкого и И. Андроников, и Э. Герштейн заключают, что общество **возникло** в 1839 году, хотя он употребляет только слово **существовало**.

У Э. Герштейн, в духе времени, хотя она и никак не была ортодоксальным литературоведом, нет сомнений в политическом характере кружка и — чем потаеннее — тем, конечно, революционнее. См.: «Предусмотрительность Браницкого наводит на мысль о конспиративном, а следовательно, политическом, характере этого аристократического кружка» [Там же: 132]. Она считает, что кружок был раскрыт и все высланы. Но это еще не гарантия раскрытия **политической** программы. Это система взглядов советского литературоведа 30-х годов.

7. Что же происходит далее?

На Кавказе вскоре после Лермонтова погибает А. Долгорукий. Пули кавказцев сражают Жерве и Фредерикса. Преждевременно умирает красавец Андрей Шувалов. «Преждевременная смерть сражает Монго Столыпина, по поводу которого Николай довольно прямо заметил, что в его лета стыдно оставаться “праздным”» (цит. по: [Андроников 1979: 160]).

Действительно, большинство из шестнадцати в начале 1840 года были переведены из гвардейских полков в разные полки Отдельного кавказского корпуса.

Но, как подводит итоги этому «исходу» Э. Герштейн, «“добровольный” отъезд “шестнадцати” из Петербурга был только формой, право на которую они завоевали при помощи своих влиятельных родителей» [Герштейн 1986: 135].

Приводимые ею данные поистине необычайны.

Мать Андрея Шувалова, княгиня ди Бутера, бросилась к ногам фрейлины Загряжской, прося похлопотать перед императрицей. Именно это последняя и отмечает в своем дневнике. После сложных переговоров императрица, наконец, пишет С. Бобринской: «Потом я говорила с императором об Андрее Шувалове. После многих попыток мне удалось его смягчить (его хотели отправить в армию. — *Т. Н.*). Это самое большое из того, что было возможно» (цит. по: [Там же]).

Трудностями сопровождался и перевод в Кавказский корпус Дмитрия Фредерикса, сына ближайшей подруги императрицы, баронессы Фредерикс. Мать горячо добивается протекции сыну у графа Чернышева, но все показывает, что царь был недоволен молодым Фредериксом. Сама же императрица пишет своему сыну в письме от 26 марта 1840 года: «Митя Фредерикс уехал на Кавказ с белым султаном, все по его доброй воле». И здесь, как замечает Герштейн, также остается в этом письме что-то непонятное: «...непосвященному читателю трудно разобраться, в чем существо этой новости: в том ли, что он уехал, или в том, что перевод на Кавказ был добровольным» [Там же: 136].

Как уже говорилось, Николай приказал Монго Столыпину вступить в военную службу (в его лета стыдно оставаться «праздным»). М. П. Валуева пишет 3 мая 1840 года П. А. Вяземскому: «Лермонтов уехал, читайте его Княжну Мери. Красавец Столыпин вступает в Нижегородский драгунский полк, но по своей доброй воле. Грегуар Гагарин тоже едет на Кавказ, прикомандированный к Гану... Васильчиков и Серж Долгорукий тоже».

Председатель Государственного совета, князь Васильчиков, фаворит царя, униженно хлопочет, заискивая перед сенатором Ганом, об устройстве сына при переводе на Кавказ (сведения приводятся по: [Там же: 137—138]).

Э. Герштейн продолжает «мораторий». В списке добровольцев, отчисляемых из гвардейских полков, в 1840 г. появляется А. Н. Долгорукий. Вступил в военную службу отставник Жерве. Неожидан-

но назначается на внештатную должность секретаря посольства в Париже И. Гагарин. А П. А. Вяземский говорит об этом, что Гагарин «очень тому рад».

Э. Герштейн, настаивая на «раскрытии существования» кружка, в конце соглашается с одной из версий Б. Эйхенбаума [Эйхенбаум 1961]: им *посоветовали* уехать.

8. И здесь обращают на себя внимание два обстоятельства.

Первое. Знатные родители «шестнадцати» во многих случаях падают к ногам императрицы, а ей просить очень трудно и сложно.

Второе. Кружок шестнадцати объединяло некое свойство (к Лермонтову это, конечно, не относилось!) — они были красавцы!

А это уж не так маловажно, если учесть, что и в 1914 году полк российских кавалергардов набирался согласно тем именно внешним качествам, которые предпочитала одна дама — Екатерина Вторая: высокий рост, белокурость, светлые глаза.

Принцесса Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, дочь прусского короля Вильгельма III, в 1817 году вышла замуж за русского великого князя Николая Павловича и стала потом императрицей Александрой Федоровной.

Императрица Александра Федоровна, видимо, была хороша собой и обаятельна. Как пишет в дневнике А. С. Пушкин: «*Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 и даже 36*» (т. 8: 34). Она обожала балы, маскарады и «интриговать». Вот приводимые Э. Герштейн записи Д. Ф. Фикельмон от 14 февраля 1833 года:

Бал-маскарад в доме Энгельгардта. Императрица захотела туда съездить, но самым секретным образом и выбрала меня, чтобы ее сопровождать. Итак, я сначала побывала на балу с мамой, через час оттуда уехала и вошла в помещение Зимнего дворца, которое мне указали. Там я переменяла маскарадный костюм и снова уехала из дворца вместе с императрицей в наемных санях и под именем m-lle Тимашевой. Царица смеялась как ребенок, а мне было страшно: я боялась всяких инцидентов. Когда мы очутились в этой толпе, стало еще хуже — ее толкали локтями и давили не с большим уважением, чем всякую другую маску. Все это было ново для императрицы и ее забавляло. Мы атаковали многих. Мейендорф, модный красавец, который всячески добивался внимания императрицы, был так невнимателен, что совсем ее не узнал и обошелся с нами очень скверно. Лобанов тотчас же узнал нас обеих, но Горчаков, который провел с нами целый час и усадил нас в сани, не подозревал, кто мы такие. Меня очень забавляла крайняя растерянность начальника полиции Кокошкина — этот бедный человек очень быстро узнал императрицу

и дрожал, как бы с ней чего не случилось. Он не мог угадать, кто же такая эта m-lle Тимашева, слыша, как выкликают ее экипаж. Кокошкин не решался ни последовать за нами, ни приблизиться, так как императрица ему это запретила. Он действительно был в такой тревоге, что жаль было на него смотреть. Наконец, в три часа утра я отвезла ее целой и невредимой во дворец и была сама очень довольна, что освободилась от этой ответственности.

(Цит. по: [Герштейн 1986: 50])

Даже Пушкин заметил в дневнике по поводу увлечения царской четы маскарадами: «В городе шум. Находят это неприличным» (т. 8: 62).

В марте 1834 года внимание царицы привлек новый «красавец» — **Жорж Дантес-Геккерн**. Вот запись в ее дневнике за 1 марта 1834 года: «...поехали в ложу. Смотрели маскированный бал. Около часу уехали, но опять туда с Соф. Бобр. и Катрин (то есть она уехала во дворец вместе с царем, но потом, под маской, она вернулась снова. — Т. Н.). Немного интриговали. Дантес, *bonj. m. gentille*, но не так красиво, как в прошлом году» [Герштейн 1986: 51]. Таким образом, как пишет Э. Герштейн, камер-фурьерский журнал вторичного посещения императрицы уже не фиксировал.

Разумеется, императрица считает самого Пушкина виновником собственной гибели. Утром 28 января 1837 года царица пишет все той же Бобринской: «О Софи, какой конец этой печальной истории между Пушкиным и Дантесом. Один ранен, другой умирает. Что вы скажете? Когда вы узнали? Мне сказали в полночь, я не могла заснуть до 3 часов, мне все равно представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна — жена убийцы другого. Это ужасно, это самый страшный из современных романов. Пушкин вел себя непростительно, он написал наглые письма Геккерну, не оставя ему возможности избежать дуэли» (цит. по: [Зильберштейн 1993: 95]). Тому же адресату она пишет 30 января 1837 года: «...Бедный Жорж, что он должен был почувствовать, узнав, что его противник испустил последний вздох. После этого — ужасный контраст — я должна вам говорить о танцевальном утре, которое я устраиваю завтра, я вас предупреждаю об этом, чтобы Бархат не пропустил и чтобы вы тоже пришли к вечеру» (подлинник по-французски) [Там же: 96]. Бархат — прозвище кавалергарда А. В. Трубецкого, приятеля Дантеса, к которому царица относилась с благосклонностью.

9. Итак, в последней части этого текста постараемся объединить воедино целый набор ранее изложенных и как будто бы не со-

единенных логикой фактов: 1) повесть Бальзака «Брачный контракт», 2) связку: *les treize* — *les seize*, 3) таинственную высылку из столицы царем родовитых «шестнадцати», 4) некоторую забывчивость императрицы — о том, какой должна быть жена Цезаря, и 5) судьбу и поведение М. Ю. Лермонтова.

Как кажется, ключ ко всему этому лежит в истории написания Лермонтовым стихотворения «Смерть поэта», в котором, при очень внимательном чтении, оказывается много неясного.

Но самое важное то, что оно состоит из двух частей, каждая из которых вызвала совершенно разные высочайшие реакции.

Обратимся к подробным комментариям к этому стихотворению [Лермонтов 1936 II: 172]. Как будто бы в своем первом виде (то есть без окончательных 16 строк) стихотворение не вызвало никакого негодования при дворе. Приятель Лермонтова С. А. Раевский говорит в своем показании («Дело о непозволительных стихах»): «Пронеслась даже молва, что В. А. Жуковский читал их его императорскому высочеству, государю-наследнику, и что он изъявил высокое свое одобрение». Как будто бы сохранилось свидетельство, что Николай I, прочитав стихотворение Лермонтова, сказал: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина», а великий князь Михаил Павлович заявил: «*Se poète en herbe va donner de beaux fruits*» (*Бурнашев В. П.* М. Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. № 9. С. 1770—1781). А управляющий III отделением А. Н. Мордвинов, по словам А. Н. Муравьева, сказал ему: «Я давно читал эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли в них ничего предосудительного» (*Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 23). (Все указанные выше библиографические данные цитируются по комментарию к [Лермонтов 1936, II].)

Таково было положение первоначальное. Об обстоятельствах же появления заключительных строк известно из показаний С. А. Раевского и рассказа В. П. Бурнашева. Потрясенный смертью Пушкина, Лермонтов заболел, и вызванный к нему лейб-медик Арендт рассказал ему подробности о последних днях смерти Пушкина. Затем к поэту пришел его родственник Н. А. Столыпин. Столыпин всячески защищал Дантеса. Спор становился все более горячим (свидетелей, как можно понять, не было! — *Т. Н.*). Вечером, как сообщает Бурнашев, он нашел у Лермонтова и известное прибавление.

Новые заключительные стихи стали мгновенно расходиться и переписываться. Интересно, среди прочих, читать замечание тогда

юного В. В. Стасова: «Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе “А вы, толпою жадною стоящие у трона” и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование...» (Русская старина. 1881. № 2. С. 410 и 411).

А. Н. Муравьев сообщает, что на следующий день Лермонтов был уже под арестом. Был арестован и С. А. Раевский (все указанные сведения взяты из комментария к [Лермонтов 1936, II]).

Интересна и «покаянная» записка самого Лермонтова о том, что, хотя многие говорили о смерти поэта с печалью, «другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурен собою — они говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее... Мне отвечали, вероятно, чтобы придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения» [Там же: 178]. Далее Лермонтов говорит о милости государя к покойному поэту, однако у этой «покаянной» записки очень достойный конец — «Сам я их никому больше не давал, но отречься от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: **правда** всегда была моей святыней, и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим» [Там же: 179]. Вслед за этим 25 февраля 1837 г. последовало высочайшее повеление о том, что «лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение известных стихов... перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк» (этот полк стоял тогда на Кавказе. — Т. Н.).

10. Итак, постараемся изложить последовательно некоторую цепочку собственных гипотез, еще явно требующих верификации и доработки.

- 1) Общество «шестнадцати» существовало в 1838 году, но зародиться оно могло и раньше — шло некое сближение его членов.
- 2) Свой стиль поведения оно, как теперь говорят, «моделировало» под героев Бальзака, особенно под «тринадцать».
- 3) У героев Бальзака была своя мораль, как сказали бы теперь, — ницшеанская.
- 4) Сюжет «Горошкового цвета» («Брачный контракт») разительно напоминал ситуацию Пушкина, вплоть даже до имени красавицы Натали.

- 5) Де Марсе, один из «тринадцати», явно провоцировал героя вызвать на дуэль поклонника Натали.
- 6) У наших «шестнадцати» аристократов также, особенно после прочтения повести Бальзака, могла мелькнуть мысль послать некое письмо Пушкину, провоцирующее дуэль с Дантесом. (Замечу, что ряд членов «шестнадцати», например П. Долгоруков и др., уже давно были на подозрении в пушкиноведении в этом смысле реально.)
- 7) Члены «шестнадцати», почти все — молодые красавцы, окружали царицу, которая, судя по приведенным выше воспоминаниям, вела себя не совсем точно. *La reine s'amusait*.
- 8) Тут важно, знал ли Лермонтов о том, кто послал Пушкину диплом рогоносца. А если он этого не знал и Н. А. Столыпин ему это рассказал только после смерти Пушкина, тогда потом, вполне логично, в стихотворении появились знаменитые шестнадцать (совпадение? — Т. Н.) строк. Многое в них, как кажется, сказано прямо:

А вы, надменные потомки
известной подлостью прославленных отцов...

(тут более подробное обращение к предкам «шестнадцати», по-моему, сильно помогло бы).

Понятно и ***наперсники разврата***.

- 9) Последняя идея состоит в том, что слова *жадною толпой стоящие у трона* — строка, обращенная не только и не столько к царю. «На троне» была и царица.
- 10) Таким образом, Лермонтов действительно совершил страшный поступок — он открыто объявил, что «жена Цезаря не вне подозрений», и ее свита позволяет себе все, и именно она, группа фаворитов, затравила великого поэта.
- 11) Тогда реакция царя, императора и мужа царицы, естественна. Естественно и то, что он постарался разогнать всех подозреваемых лиц, обнаружить которых как «сообщество» ему удалось постепенно. Естественно и то, что императрица, как мы видели выше, трепетала и боялась просить царственного своего мужа за любимцев. Естественно, что их матери падали именно к ее ногам.

- 12) И, наконец, о двух великих писателях, родившихся в один и тот же 1799 год, которых связывала — даже в браке — все та же провинциальная Россия, не удержусь от напрашивающейся пушкинской фразы: *Бывают странные сближенья*.

Литература

- Абрамович 1991 — *Абрамович С.* Пушкин в последний год. М., 1991.
- Андроников 1979 — *Андроников И. А.* Направление поиска // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979.
- Бальзак 1953 — *Бальзак О.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1953.
- Бальзак в русской литературе 1999 — Бальзак в русской литературе. М.: Рудомино, 1999.
- Герштейн 1986 — *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1986.
- Герштейн 1998 — *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.
- Герштейн 2001 — *Герштейн Э. Г.* Память писателя. СПб., 2001. (Хочу поблагодарить Э. Г. Герштейн, приславшую — неожиданно для меня — свою новую книгу, в которой ряд приведенных фактов, на первый взгляд мелких, укрепил для меня высказанную в этой статье гипотезу.)
- Дмитриева 1997 — *Дмитриева Е. Е.* Русские пути и перепутья Бальзака // Оноре де Бальзак: денди и творец. М., 1997.
- Зильберштейн 1993 — *Зильберштейн И. С.* Парижские находки. Эпоха Пушкина. М., 1993.
- Карамзины 1960 — Пушкин в переписке Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960.
- Кюхельбекер 1979 — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Лермонтов 1936, II — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1936.
- Михайлов 1997 — *Михайлов А. Д.* Из истории переводов Бальзака в России // Оноре де Бальзак: денди и творец. М., 1997.
- Михайлов 1999 — *Михайлов А. Д.* «Русский Бальзак»: «юбилейный», «приспособленный» — и настоящий // Бальзак в русской литературе. М., 1999.
- Письма Павлищевой 1994 — Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу — 1837. СПб., 1994.
- Пушкин 1995 — *Пушкин А. С.* Дневники. Записки. СПб., 1995.
- Реизов 1960 — *Реизов Б. Г.* «Алиия в долине» и ее судьба в России // *Реизов Б. Г.* Бальзак: Сб. статей. Л., 1960.
- Тынянов 1968 — *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968.

- Шевырев 1999 — Шевырев С. П. Из «Парижских эскизов». Визит к Бальзаку // Бальзак в русской литературе. М., 1999.
- Эйхенбаум 1961 — Эйхенбаум Б. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.
- Энциклопедия лит. героев 1997 — Энциклопедия литературных героев. Зарубежная литература XVIII—XIX веков. М., 1997.
- Balzac 1973 — *Balzac H. de. Une double famille, suivi du Contrat de mariage et de L'Interdiction.* Paris, 1973.
- Balzac 1981 — *Balzac H. de. La Comedie humaine.* XII. Paris, 1981. Index de personnages fictif.
- Balzac dans... 1993 — Balzac dans l'empire Russe. De la Russie à l'Ukraine. Paris, 1993.